

– ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ –

УДК 159.9.

<https://doi.org/10.25587/2587-5604-2025-4-138-146>

Оригинальная научная статья

Профилактика аутоагрессивного поведения подростков с риском аутоагрессии (из опыта работы образовательной организации)

Л. Г. Дмитриева*, И. Ф. Нурмухаметова,

Э. А. Нурмухаметов, О. И. Политика

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация

*✉ dmitrievalg@mail.ru

Аннотация

В данной статье описаны особенности аутоагрессивного поведения подростков с риском аутоагрессии, а также приведены данные о результатах тренинговой работы с обучающимися. Теоретической основой послужили труды отечественных и зарубежных ученых об аутоагрессивном поведении, фрустрации, цифровой среде. В исследовании приняли участие 104 респондента, среди них 39 девушки и 65 юношей МБОУ школы №104 им. М. Шаймуратова г. Уфы (параллель 9-х классов. Возраст 14-15 лет). В экспериментальную и контрольную выборки вошли испытуемые в количестве 31 человека. Критерий включения – высокий и средний уровень риска аутоагрессивного поведения. Контрольная группа состояла из 16-ти обучающихся, а экспериментальная группа – из 15-ти обучающихся. Целью исследования было выявление различий в проявлении негативных состояний подростков в зависимости от риска аутоагрессии. Результаты эмпирического исследования показали, что подростки с высоким и средним уровнем аутоагрессии характеризуются депрессивностью, низкими самооценкой и эффективностью. С помощью U-критерия Манна-Уитни и Т-критерия Уилкоксона получены статистически значимые различия по степени выраженности депрессивных состояний, провоцирующих аутоагрессивное поведение. Доказано, что тренинговые мероприятия, направленные на улучшение психических состояний подростков, способствовали значимым положительным изменениям в их эмоциональной (регулятивной) сфере. Полученные результаты проведенного исследования позволили подтвердить важность профилактики аутоагрессивного поведения в подростковом возрасте.

Ключевые слова: аутоагрессивное поведение, риск аутоагрессии, подростки, депрессия, профилактика, цифровизация, цифровая среда, сепарация, внутренняя сепарация, формирующий эксперимент.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Дмитриева Л.Г., Нурмухаметова И.Ф., Нурмухаметов Э.А., Политика О.И. Профилактика аутоагрессивного поведения подростков с риском аутоагрессии (из опыта работы образовательной организации). *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Педагогика. Психология. Философия». Pedagogics. Psychology. Philosophy»*. 2025: 40 (4): С. 138-146. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-4-138-146

Original article

Prevention of autoaggressive behavior in adolescents at risk of autoaggression: from the work experience of an educational organization

Lyudmila G. Dmitrieva, Irina F. Nurmukhametova,
Ernest A. Nurmukhametov, Oksana I. Politika*

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

*✉ dmitrievalg@mail.ru

Abstract

This article describes the features of autoaggressive behavior of adolescents at risk of autoaggression, as well as provides data on the results of training work with students. The theoretical basis was the works of Russian and foreign scholars on autoaggressive behavior, frustration, and the digital environment. The study covered 104 respondents, including 39 girls and 65 boys of M. Shaimuratov school No. 104 in Ufa (9th grades, aged 14–15 years). The experimental and control samples included 31 subjects. The inclusion criteria were high and medium risk levels of autoaggressive behavior. The control group consisted of 16 students, and the experimental group consisted of 15 students. The aim of the study was to identify differences in the manifestation of negative conditions in adolescents, depending on the risk of autoaggression. The results of an empirical study showed that adolescents with high and moderate levels of autoaggression are characterized by depression, low self-esteem and efficiency. Statistically significant differences in the severity of depressive states provoking autoaggressive behavior were obtained using the Mann-Whitney U-test and the Wilcoxon T-test. It was proven that training activities aimed at improving the mental states of adolescents contributed to significant positive changes in their emotional (regulatory) sphere. The results of the study confirmed the importance of preventing autoaggressive behavior in adolescence.

Keywords: autoaggressive behavior, risk of autoaggression, adolescents, depression, prevention, digitalization, digital environment, separation, internal separation, formative experiment.

Funding: The study did not have financial support.

For citation: Dmitrieva L.G., Nurmukhametova I.F., Nurmukhametov E.A., Politika O.I.. Prevention of auto-aggressive behavior in adolescents at risk of auto-aggression (from the experience of an educational organization). *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy.* 2025;40(4): Pp. 138-146. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-4-138-146

Введение

Проблема аутоагрессивного поведения личности является объектом пристального внимания в отечественной и зарубежной психологии в течение многих десятилетий. В психоаналитической парадигме аутоагрессия предстает как защитная реакция, вид вытеснения, которая проявляется, когда агрессивные импульсы не могут быть направлены наружу. Если враждебность не находит выхода на внешнем объекте (будь – то первичный источник раздражения или его замена), она направляется внутрь, на самого индивида [1]. Большой вклад в изучение феномена аутоагрессии внес К. Менninger, выделив две формы проявления аутоагрессивного поведения [2]. Первая форма – аутодеструкция, понятие, которое часто используют как синоним слова аутоагрессия. Однако аутодеструкция, являясь само-разрушающим поведением, в отличие от аутоагрессии, чаще всего носит случайный характер, то есть, самовредительство человек производит непреднамеренно, не задумываясь о последствиях (например, опасная работа, экстремальный вид спорта, вредные привычки). Вторая форма аутоагрессивного поведения по теории К. Меннингера – самоповреждение, то есть осознанное нанесение себе физического вреда, которое имеет следующие характеристики: влияние стресса на возникновение агрессии; ожидание результата и реакции окружающих. Есть и другая позиция в данном вопросе, в соответствии с которой

А. В. Калуев, например, не разделяет эти понятия [3]. Оба эти процесса, по мнению ученого, носят осознанный и преднамеренный характер. По мнению А. А. Реана, аутоаггрессия является сложным и многогранным феноменом, утверждая, что аутоаггрессивность представляет собой не просто черту личности, а целый комплекс характеристик, которые могут проявляться на разных уровнях и в разных сферах, в том числе (и достаточно часто) в эмоциональной (регулятивной) сфере [4]. Учитывая принадлежность аутоаггрессии к эмоциональной сфере, мы должны иметь ввиду, что эмоциями управлять достаточно сложно, они не зависят от осознанности/неосознанности, а, скорее, от импульсивности, фruстрационного всплеска, или порыва, который остановить почти невозможно [5; 6].

В исследованиях аутоаггрессии можно встретить ряд факторов, влияющих на аутоаггрессивное поведение. Среди них чаще всего выделяют влияние семьи и социальные условия, подчеркивая при этом, что неблагоприятные условия в семье, такие, как насилие, отсутствие эмоциональной поддержки, могут в значительной степени увеличить риск аутоаггрессивного поведения. Полагаем, что данные факторы, без сомнения, являются значимыми, однако в новой цифровой реальности они не исчерпывающие. Цифровизация создала новые культурные модели, влияющие на познавательную, коммуникативную, эмоциональную и другие сферы личности подростка [7].

Материалы и методы

В качестве методов исследования выбраны тестирование и методы математической обработки данных. Было проведено тестирование с использованием следующих методик.

Риск аутоаггрессивного поведения выявлялся с помощью опросника «Склонность к девиантному поведению» (авторы Э. В. Леус, А. Г. Соловьев), который представляет собой стандартизированный опросник, предназначенный для оценки выраженности дезадаптации у подростков с разными видами девиантного поведения, в том числе, и аутоаггрессивного.

Под аутоаггрессивным поведением понимается модель поведения, проявляющаяся в агрессивных действиях, мыслях и состояниях против самого себя, возникающая под влиянием длительного стресса, дезадаптации, межличностных и/или внутриличностных конфликтов.

Также применялся опросник детской депрессии М. Ковака (в адаптации С. В. Воликовой и А. Б. Холмогоровой). С помощью данного опросника выявляются следующие показатели спектра депрессивных симптомов: сниженное настроение, ангедония, вегетативные функции, самооценка, межличностное поведение.

Под депрессией принято понимать психическое расстройство, основными признаками которого являются сниженное настроение, а также утрата способности получать удовольствие. Это приводит к появлению негативных эмоций, таких как печаль, апатия, чувство вины и безнадежности, а также тревоги и страха.

Статистическая значимость межгрупповых различий оценивалась с помощью программы Statistica v.13 с применением U-критерия Манна-Уитни, Т-критерия Уилкоксона.

Описание процедуры исследования

Экспериментально-психологическое исследование проводилось в групповой форме (тестирование, тренинговые мероприятия) после вводной беседы. В процессе проведения исследования отслеживались личностные проявления респондентов как в процессе тестирования, так и во время тренингов. Всего состоялось 8 тренинговых занятий продолжительностью по 1,5 часа. Упражнения были нацелены на стабилизацию эмоциональной (регулятивной) сферы подростков.

Результаты и обсуждение

Результаты обработки данных по шкале «Автоагрессивное поведение» опросника Э. В. Леуса и А. Г. Соловьева «Склонность к девиантному поведению» представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты обработки шкалы «Автоагрессивное поведение» опросника
Э.В. Леус и А.Г. Соловьева «Склонность к девиантному поведению»

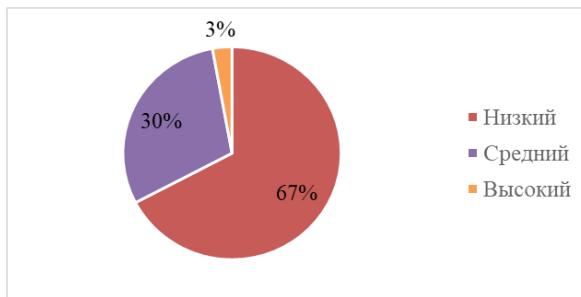
Table 1

**Results of processing the scale “Autoaggressive behavior” of the questionnaire
by E.V. Leus and A.G. Solovyov “Tendency to deviant behavior”**

Шкалы	Кол-во исп.	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение
Автоагрессивное поведение	104	0	25	8,5	6

На основании данных, представленных в таблице 1, можно увидеть, что среднее значение (8,5) из возможного максимума 25 баллов. Это указывает на то, что у большинства респондентов из 104 испытуемых показатели по шкале «Автоагрессивное поведение» принимают минимальные значения. Это может свидетельствовать о преобладании адаптивных стратегий у большинства подростков. Стандартное отклонение ($SD=6$) демонстрирует умеренную вариативность в выборке. Исходя из этого значения, мы понимаем, что большее количество результатов варьируются в диапазоне низких значений от 2,5 до 14,5 баллов. Пики частоты находятся в диапазоне 5-10 баллов, при этом, распределение шкалы «Автоагрессивное поведение» отлично от нормального и не подчиняется закону распределения Гаусса по критерию Шапиро-Уилка.

Ниже на рисунке 1 представлено распределение уровней аутоагрессивного поведения среди испытуемых подросткового возраста: у 67% испытуемых фиксируется низкий уровень, что указывает на отсутствие признаков аутоагрессивного поведения, у 30% – средний уровень, отражающий ситуативную предрасположенность к такому поведению и лишь у 3% участников опроса отмечается высокий уровень данных, демонстрирующий сформированную модель аутоагрессивного поведения.

**Рис. 1. Данные диагностики по шкале «Автоагрессивное поведение»
опросника Э.В. Леус и А.Г. Соловьева «Склонность к девиантному поведению»**

**Fig. 2. Diagnostic data on the “Autoaggressive behavior” scale of the questionnaire
by E.V. Leus and A.G. Solovyov “Tendency to deviant behavior”**

Далее, мы выделили из общей выборки испытуемых со средним и высоким уровнем склонности к аутоагрессивному поведению. Затем поделили выборку на контрольную (16 человек) и экспериментальную (15 человек) группы.

Результаты сравнения значений показателей депрессии по опроснику детской депрессии М. Ковака (в адаптации С. В. Воликовой и А. Б. Холмогоровой) между контрольной и экспериментальной группами на предварительной стадии исследования представлены в таблице 2. Статистическая значимость различий определялась с помощью U-критерия Манна-Уитни для независимых выборок.

Таблица 2

**Результаты сравнительного анализа данных по опроснику детской депрессии
с применением U-критерия Манна-Уитни
(между контрольной и экспериментальной группами)**

Table 2

**Results of a comparative analysis of data from the Childhood Depression Questionnaire
using the Mann-Whitney U test
(between the control and experimental groups)**

	Сумма рангов эксп. группы	Сумма рангов контр. группы	U	N _{эксп}	N _{конт}	Уровень значимости p
Общий показатель депрессии	256	240	104	15	16	0,54
Негативное настроение	251	245	109	15	16	0,68
Межличностные проблемы	286	210	74	15	16	0,07
Неэффективность	255	241	105	15	16	0,57
Ангедония	248,5	247,5	111,5	15	16	0,74
Негативная самооценка	249,5	246,5	110,5	15	16	0,71

Как видно из таблицы 2, ни по одному из индексов опросника детской депрессии значимых различий не обнаружено.

Далее рассмотрим результаты сравнительного анализа показателей депрессии по «Опроснику детской депрессии» в экспериментальной группе до и после эксперимента. При сопоставлении индексов депрессии использовался непараметрический Т-критерий Уилкоксона для связанных выборок (таблица 3).

Таблица 3

**Результаты сравнительного анализа данных относительно показателей депрессии
по «Опроснику детской депрессии» в экспериментальной группе до и после эксперимента
с применением Т-критерия Уилкоксона**

Table 3

**Results of a comparative analysis of data on depression scores according
to the Children's Depression Questionnaire in the experimental group
before and after the experiment using the Wilcoxon T-test**

Показатели	Средние значения до эксперимента	Средние значения после эксперимента	T	Уровень значимости p
Общая депрессия	62	54,7	6	0,003
Негативное настроение	60,6	54,7	15	0,02
Межличностные проблемы	65,4	54,2	4,5	0,001
Неэффективность	56,4	52,3	23	0,04
Ангедония	57,3	50,6	9,5	0,00
Негативная самооценка	59,5	53,7	13	0,01

Как и предполагалось, исходя из основной гипотезы нашего исследования, по всем показателям депрессии различия в экспериментальной группе оказались значимыми на уровне $p=0,05$. В наибольшей степени улучшились показатели общей депрессии, межличностных проблем и ангедонии.

Аналогичным образом проводилось сравнение показателей депрессии в контрольной группе. Как и ранее, для сопоставления индексов депрессии использовался непараметрический Т-критерий Уилкоксона для связанных выборок. Различия по контрольной группе оказались менее значимыми (таблица 4).

Таблица 4
Результаты сравнения значений показателей депрессии по «Опроснику детской депрессии»
в контрольной группе испытуемых

Table 4

**Comparison of depression scores according to the Childhood Depression Questionnaire
in the control group**

Показатели	Средние значения до эксперимента	Средние значения после эксперимента	T	Уровень значимости p
Общая депрессия	59,8	61,8	51,5	0,39
Негативное настроение	59,6	61,2	42,5	0,32
Межличностные проблемы	58,4	63,8	27,5	0,04
Неэффективность	55,6	62,1	10,5	0,01
Ангедония	55,8	59,8	27,5	0,06
Негативная самооценка	57,5	59,2	44	0,59

Тем не менее, значимое снижение эмоциональных показателей выявлено по уровню межличностных проблем и неэффективности. Отметим, что данные показатели, на самом деле, являются важными для интерпретации результатов нашей работы. Ребята обучаются в одной параллели, взаимодействуют и, возможно, начинают осознавать необходимость психологической помощи, которую оказывали их сверстникам.

Перспективы исследований

Актуальность поставленной проблемы позволяет расширить исследовательское поле, включив в нее цифровую среду и процесс сепарации. Сепарация в переводе с латинского (от лат. *separatio*) обозначает отделение [7; 8]. Этот феномен привычно соотносится с подростковым и юношеским возрастом, когда, согласно большинству исследований, происходит интеграция личностной идентичности, а также ориентация юноши или девушки на референтную группу сверстников. Несмотря на устойчивость мнения о подростковой сепарации, следует указать на процессуальный характер этого явления, истоки которого лежат в младенчестве и в раннем детстве.

Сепарацию принято разделять на внутреннюю и внешнюю. По данным отечественных авторов, в детстве внешняя и внутренняя сепарация основаны на привязанности ребенка к родителю, нарушение этой связи может препятствовать развитию индивидуальности и автономности [9]. Этот процесс является природосообразным, так как необходим для формирования личностного самоопределения, когда юноша уже в полной мере осознает свою индивидуальность. Если включить в процесс сепарации цифровую среду, которая в раннем возрасте «захватывает» ребенка в виде различных гаджетов, виртуальных игр, специальных игрушек, то она оказывает воздействие на когнитивную, поведенческую и регуляторную сферы (последняя, в большой степени, зависит от неравновесных состояний и эмоций) [10]. Дело в том, что уже на начальных этапах сепарации (в первую очередь,

внутренней), значимые субъекты (близких взрослых) все чаще заменяют «достройки» за счет цифровых технологий. Подростки постепенно персонализируют свои устройства, нередко испытывая к своим смартфонам и компьютерам эмоциональную привязанность. Выходи, что, сепарируясь от взрослого, подросток находит себе другого субъекта.

Возникает вопрос: происходит ли сепарация на самом деле? Может быть, в этом, искаженном цифровыми устройствами процессе, кроется инфантильность, которую не принимают взрослые, подчас не понимая, что они теперь должны делать, как вернуть подростка к реальной жизни? Получается, что естественный, природообразный процесс сепарации не просто запаздывает, он может и не происходить, так как расстановки те же, что и были с родителями, роли формально не поменялись? Технические средства субъективируются человеком и наделяются способностью выполнять субъектные функции, и индивид общается с компьютером и гаджетами как с «живым собеседником», постепенно сепарируясь при этом от близких, значимых для него людей. Происходит замена субъектов сепарации: живых, близких людей на информационные устройства. И не случайны тревожные голоса исследователей рисков цифровизации, которые «открывают» такие грани известных явлений, как «искаженная самореализация», «поверхностная идентификация», «расширенная личность» и так далее.

Не имея эмпирических фактов, трудно делать какие-либо прогнозы о том, что «человеческая сепарация» как бы исчезает. И тем не менее, есть некоторые «посылы», которые также надо иметь в виду. По мнению Г.В. Солдатовой, например, современные дети и подростки характеризуются гиперподключенностью, то есть проводят в интернете в разы больше времени, чем положено по нормативам [11; 12; 13; 14]. Постепенно они персонализируют свои устройства, воспринимая их как «электронного друга» или «любимую вещь». Подростки нередко испытывают к своим смартфонам и компьютерам эмоциональную привязанность. И когнитивные, и эмоциональные привязанности, – отражение феномена «расширенной личности», интегрирующей цифровые устройства как часть себя. Цифровые технологии становятся естественным «продолжением» человека в современном мире, позволяя ему достигать большего. Понятно, что в подобной ситуации личность утрачивает свою автономность, у нее увеличивается риск аутоаггрессивного поведения, становится меньше возможностей проговаривать важные для нее вещи, так как субъект – не живой человек, а технологизированный объект [15].

Заключение

Полученные итоги теоретического и экспериментального исследования подтвердили важность профилактики аутоаггрессивного поведения в подростковом возрасте. Можно выделить следующие результаты.

1. Проведенный теоретический анализ основных понятий, используемых в статье, позволил уточнить факторы, влияющие на аутоаггрессивное поведение подростков и дополнить их новыми, связанными с цифровой средой, в которой аутоагgression подростков может сопровождаться трудностями в сепарации и становлении субъектности.

2. Формирующий эксперимент, направленный на профилактику аутоаггрессивного поведения подростков с риском аутоагgressии, продемонстрировал свою эффективность, так как у подростков с высокой и средней аутоагgressией значимо улучшились показатели общей депрессии, межличностных проблем и ангедонии. Считаем, что данную профилактическую работу необходимо продолжить, обратив внимание на ценностную и мотивационную сферу подростков.

3. Успешная реализация тренинговой программы в реальных условиях школы позволит другим образовательным организациям проводить профилактические мероприятия по предупреждению подростковой аутоагgressии в эмоциональной сфере и регуляции поведения.

Литература

1. Freud S. *Psychical (Or Mental) Treatment*. London: Freeman Press, 2014: 38. (in English).
2. Менninger К. А. Психоаналитические аспекты суицида. *Антология суицидологии: Основные статьи зарубежных учёных. 1912-1993*. Пер. с англ. Москва: Когито-Центр; 2018: 37–63.
3. Калуев А. В. Механизмы возникновения аутодеструктивного поведения у животных и его классификация. *Вестник зоологии*; 2000: (34): 3–10.
4. Реан А. А. *Психология изучения личности*. Санкт-Петербург: Изд-во Михайлова В.А.; 1999: 288.
5. Курочкина В. Е., Васильева М. И. Смысложизненные ориентации подростков с аутоагрессивным поведением. *Педагогика: история, перспективы*; 2021: 4 (3) :139–148.
6. Руженков В. А. К вопросу об уточнении содержания понятия «аутоагрессивное поведение». *Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья*; 2008: (32) :20–24.
7. Панов В. И., Патраков Э. В. *Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия*: монография. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; Курск: Университетская книга; 2020: 199.
8. Mahler M.S., Gosliner B. J. On symbiotic child psychosis: Genetic, dynamic, and restitutive aspects. *The Psychoanalytic Study of the Child*. 1955:10 (1):195–212. (in English).
9. Харламенкова Н. Е., Кумыкова Е. В., Рубченко А. К. *Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы*. Москва: Институт психологии РАН; 2015: 367.
10. Буслаева Е. Л. Цифровизация общества как фактор психического и психосоциального развития младших школьников. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*; 2020: (2): 159–172.
11. Карпов А. В., Воронова А. Т. Цифровизация и развитие психики ребенка: вызовы нового времени. *Человеческий капитал*; 2021: (8): 22–28.
12. Солдатова Г. В., Рассказова Е. И. Психологические модели цифровой компетентности российских подростков и родителей. *Национальный психологический журнал*; 2014: (2): 25–31.
13. Солдатова Г. В., Рассказова Е. И., Вишнева А. Е., Теславская О. И., Чигарькова С. В. *Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие*. Москва: Акрополь; 2022: 337.
14. Солдатова Г. В., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. *Цифровое поколение России: компетентность и безопасность*: монография. Москва: Смысл; 2017: 375.
15. Большунова Н. Я. Системная цифровизация образования в современном мире: риски и перспективы развития человека. Развитие человека в современном мире. *Цифровая трансформация школы*; 2021:(3): 7–16.

References

1. Freud S. *Psychical (Or Mental) Treatment*. London: Freeman Press; 2014: 38.
2. Menninger K.A. Psychoanalytic Aspects of suicide. *Anthology of Suicidology: Key Articles by Foreign Scientists. 1912-1993*. Moscow Kogito-Tsentr Publ.; 2018:37–63 (in Russian).
3. Kaluev A.V. Mechanisms of occurrence of auto-destructive behavior in animals and its classification. *Journal of Zoology*; 2000:(34):3–10 (in Russian).
4. Rean A.A. *Psychology of Personality Study*. Saint Petersburg: Publishing house of Mikhailov V.A.; 1999:288 (in Russian).
5. Kurochkina V.E., Vasilieva M.I. Life meaning orientations of adolescents with auto-aggressive behavior. *Pedagogy: History, Perspectives*; 2021:4 (3):139–148 (in Russian).
6. Ruzhenkov V.A. On the clarification of the content of the concept of “autoaggressive behavior”. *Scientific Medical Bulletin of the Central Black Earth Region*; 2008:(20–24) (in Russian).
7. Panov V.I., Patrakov E.V. *Digitalization of the Information Environment: Risks, Representations, Interactions*. Moscow: Psychological Institute RAO; Kursk: University book; 2020:199. (in Russian).
8. Mahler M.S., Gosliner B.J. On symbiotic child psychosis: Genetic, dynamic, and restitutive aspects. *The Psychoanalytic Study of the Child*. 1955:10 (1):195–212.
9. Kharlamenkova N.E., Kumyкова E.V., Rubchenko A.K. *Psychological Separation: Approaches, Problems, Mechanisms*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2015: 367 (in Russian).

10. Buslaeva E.L. Digitalization of society as a factor of mental and psychosocial development of primary schoolchildren. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences.* 2020:835 (2):159–172 (in Russian).
11. Karpov A.V., Voronova A.T. Digitalization and development of the child's psyche: challenges of the new time. *Human Capital;* 2021:(8):22–28 (in Russian).
12. Soldatova G.V., Rasskazova E.I. Psychological models of digital competence of russian adolescents and parents. *National Psychological Journal.* 2014:(2):25–31 (in Russian).
13. Soldatova G.V., Rasskazova E.I., Vishneva A.E., et al. *Born Digital: Family Context and Cognitive Development.* Moscow: Akropol; 2022:337. (in Russian).
14. Soldatova G.V., Rasskazova E.I., Nestik T.A. *Digital Generation of Russia: Competence and Security.* Moscow: Smysl; 2017:375 (in Russian).
15. Bolshunova N.Ya. System digitalization of education in the modern world: Risks and prospects for human development. *Human Development in the Modern World.* 2021:7–16 (in Russian).

Сведения об авторах

ДМИТРИЕВА Людмила Геннадьевна – д. психол. н., доцент, профессор кафедры общей психологии Института гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-6654-8162, e-mail: dmitrievalg@mail.ru

НУРМУХАМЕТОВА Ирина Фасхутовна – к. психол. н., доцент кафедры общей психологии Института гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-2029-618X4, e-mail: if44@bk.ru

НУРМУХАМЕТОВ Эрнест Альбертович – к. психол. н., психолог координационного центра по вопросам формирования у молодёжи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-2880-1275, e-mail: misall@mail.ru

ПОЛИТИКА Оксана Ивановна – к. психол. н., доцент кафедры психологического сопровождения и клинической психологии Института гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-5538-7711, e-mail: okcanapolitika@yandex.ru

Information about the authors

DMITRIEVA Lyudmila Gennadyevna – Dr. Sci. (Psychology), Docent, Professor, Department of General Psychology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-3361-5637

NURMUKHAMETOVA Irina Faskhutovna – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of General Psychology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-2029-618X4

NURMUKHAMETOV Ernest Albertovich – Cand. Sci. (Psychology), Psychologist, Coordination Center for the Development of Active Civic Position in Youth, Prevention Interethnic and Interfaith Conflicts, Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-2880-1275

POLITIKA Oksana Ivanovna – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of Psychological Support and Clinical Psychology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-5538-7711, e-mail: okcanapolitika@yandex.ru

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию / Submitted 15.11.25

Поступила после рецензирования / Revised 16.12.25

Принята к публикации / Accepted 22.12.25